

Я не хотел поднимать из-за этого шум. Я не хотел, чтобы какие-нибудь гиппогрифы пострадали или что-нибудь случилось с Хагридом. Никто не рождается совершенным; все сначала совершали ошибки. Одним из высказываний, которым мы, итальянцы, гордимся, является то, что неудача подпитывает наше ремесло. Те, кто совершенен, никогда не достигнут мастерства. Они будут прирожденными талантливыми людьми, но они не смогут стать кузнецами, резчиками по дереву, человеком в жару лазающим по электрическим кабелям. Конечно, иногда лучше никогда не терпеть неудачи, потому что неудача обычно означает смерть, но обычно неудача - это шаг, единственный шаг на огромной лестнице, которая ведет кого-то к чему-то большему.

Неудачи позволяли постигать определенное ремесло.

Древние руны, в этом отношении, больше касались чтения сказок о старых, изворотливых волшебниках и непереводаемых текстах Барда Бидля. Когда я сказал "непереводаемых", я имел в виду это буквально. Они были зачарованы, чтобы предотвратить перевод. Их можно было понять, можно было даже поговорить о них и их ключевых мотивах. Например, история о волшебной лягушке, сокрушившей скорпиона за то, что он был вероломным ублюдком, была интересной, но вы не могли записать их по-английски.

Вы могли бы попробовать, но слова превращались бы в тарабарщину. Сама история была зачарована, чтобы предотвратить чтение "врагом" того времени, что, в свою очередь, означало, что практически любому будущему жителю Англии приходилось изучать язык древних рун, а затем хранить его в памяти с помощью указанных рун. Это было похоже на разговор на латыни; совершенно скучный и ненужный, но также и единственный способ обсудить моменты, стоящие за использованием лягушкой древней магии без палочки.

Каким надо быть параноиком чтобы зашифровать даже сказки, но тогда было такое время, и поэтому некоторые книги нужно было читать, понимать, а затем говорить о них на древнем языке.

К счастью, в последние годы это все уходит в прошлое. Как бы то ни было, нам пришлось выучить алфавит. Тот самый проклятый, очень злой, очень мерзкий алфавит, который убил наши надежды на новое завтра.

"Феху", - сказала Меган.

"Скот", - сказал я, "Богатство. Потому что для них это было одно и то же". Я щелкнул языком по зубам, глядя на другую руну: "Каунан или Джера?"

"Тут единственное число, так что это должен быть Каунан", - ответила Меган. "Ансуз..."

"Озир" - сказал я.

Тем не менее, борьба с древними рунами была ничто по сравнению с невероятными битвами, которые я прошел со своим собственным оркестром. У волшебников, конечно, не было ничего более современного, чем то, что было во времена Моцарта. Следовательно, если я хотел играть на электрогитаре, мне нужно было купить ее, а затем зачаровать ее так, чтобы она стала "волшебным автоматически играемым инструментом". К тому же я не мог просто превратить камень в гитару, потому что не знал, как они были сделаны внутри.

Следовательно, поскольку магия всегда была и решением и проблемой, а также ответом и вопросом, у меня не было другого выбора, кроме как практиковать заклинание, которого еще не существовало.

Результаты были... невероятно проблематичными.

Искрящаяся вспышка молнии завизжала, как дикая баньши. Придуманное мной заклинание Электрус Гитарус, по-видимому, создавало своего рода полумрачную сферу молнии, которая реагировала на шум. Я едва мог дышать, штука искрилась и гудела при низком напряжении с небольшим шумом, но становилась все более мощной, с течением времени. Туба умерла первой, барабаны взорвались, и арфа была моим единственным оставшимся инструментом, который мог увести разумный шар молнии подальше от меня и позволить мне добраться до двери.

Она так и сделала, пожертвовав собой по взмаху моей палочки, пока я рванул в дверь, резко закрыв ее за собой, а молния ударила в дверной проем позади меня.

Создание магических заклинаний было чрезвычайно опасной, смертельно опасной работой.

"Ясно", - проворчал я, читая переводчик с латыни на английский. "Гитарус было истолковано как Гуит Арр Ус, то есть молния, которая заставит вас замолчать", - вздохнул я и ударился головой о словарь. Мне понадобятся резиновые перчатки и резиновая броня, прежде чем я войду внутрь, чтобы запустить финиту в эту штуку. Это, в свою очередь, означало, что мне нужно было научиться превращать вещи в резину. Я решил, что пришло время для еще одного похода за чаем и булочками.

Хотя на этот раз я предпочел самого главного босса. В молодости директор был профессором трансфигурации, если я не ошибаюсь, и моя память не сделала решительный шаг в худшую сторону. И даже если бы это было не так, он все равно мог чего-нибудь посоветовать.

"Ореховые тараканы", - сказал я горгулье, которая после моих слов отодвинулась в сторону и позволила мне подняться по знакомой винтовой лестнице наверх.

Директор, очевидно, ждал меня, судя по тому, что обычный чай и лимоны с шербетом были наготове. "Мистер Умбрус, я уже начал задаваться вопросом, когда вы появитесь и начнутся наши регулярные чаепития".

"Я бы пришел раньше, директор, - ответил я, усаживаясь, "Но на меня напали гиппогрифы, а затем мне пришлось купить тележку хлеба для кальмара в благодарность за спасение моей шкуры".

"Я слышал об этом несчастном случае", - ответил Директор. "Это довольно иронично, - продолжил он тихим шепотом, "Ты смог одолеть василиска и все же споткнулся о обычную стаю гиппогрифов. Я бы скорее ожидал, что в лесу не будет гиппогрифов, чем появление тебя мистер Умбрус в лазарете".

Я поморщился. "Я не хотел никого из них убивать. Я просто хотел держать их подальше от других учеников, и когда понял, что за мной гонятся и я никак не успеваю добраться до замка, я просто побежал к берегу озера. Я ожидал, что Кальмар отпугнет их, а не размажет одного в пасту для мясного пирога".

Брови Директора слегка нахмурились, но затем он, казалось, кивнул сам себе, хотя и с легкой гримасой. "Это было прискорбное обстоятельство. Гигантский Кальмар часто защищает студентов, потому что они склонны его кормить." Он улыбнулся. "А как насчет отсутствия разрешения посетить Хогсמיד, мистер Умбрус? Ты не будешь пытаться убедить меня передумать?"

Я пожал плечами и потер подбородок. "В целом, это не так уж плохо. Я имею в виду, я буду честным профессором, я мог бы легко пойти в Хогсмид с вашего одобрения или без него, я знаю проходы, чтобы попасть туда", - сказал я со слегка нервной улыбкой, "Но я не буду, потому что мне не нравится идти против закона, если я могу этого избежать и... ну, я понял, что даже если я пойду в Хогсмид, у меня скоро кончатся деньги. Все, что у меня есть, - это галеон, который подарил мне Гигантский Кальмар, и если он не повторит это и в этом году... Рождественского пособия в размере одного галеона не хватит на поездки в Хогсмид". Я вздохнул. "И я действительно не хочу быть обузой ни для кого из моих друзей".

"Ты думаешь, что будете для них обузой, мистер Умбрус? Что они не будут наслаждаться вашей компанией в обмен на любые гроши, которые вы можете у них попросить?" - спросил Директор, его голос был спокойным и задумчивым.

"Это все моя гордость, профессор"», - вздохнул я. "Либо я сам зарабатываю деньги, которые трачу, либо отказываюсь быть грузом для других. Я ничего не могу поделаться с покупкой для меня школьных принадлежностей, но в остальном....

"Гордость - опасный зверь, мистер Умбрус", - ответил Дамблдор. "Она губит лучших волшебников и превращает их в ничтожных существ".

"Слишком много гордости так и делает", - кивнул я. "Но слишком мало это еще хуже. Правильное количество - это то, что нужно, чтобы человек мог нормально спать по ночам. Это мой девиз: никогда не делай ничего, что может помешать мне спать по ночам, потому что я очень люблю свой сон". Я ухмыльнулся, сказав это, и отхлебнул предложенный чай. "Я уверен, что так никогда не будет, и в конце концов я сделаю что-то, что может не дать мне уснуть, но я надеюсь, что это будет то, что я смогу исправить с помощью извинений, и никогда не будет ничего большего, чем это".

Дамблдор вздохнул. "Жизнь имеет дурную привычку не давать человеку спать по ночам, мистер Умбрус. Самые незначительные вещи выходят из-под нашего контроля и заставляют нас беспокоиться".

"Но именно поэтому у нас есть другие люди, к которым мы можем обратиться за помощью, когда это произойдет, не так ли?" - невинно ответил я. "Например, директор, давайте предположим, что скучающий студент практиковался в создании заклинаний и случайно закончил тем, что создал наделенный силой молнии шар смерти, реагирующий на шум. Как этот ученик сможет трансформировать себе резиновую броню и перчатки, чтобы у него было время бросить заклинание отмены, не получив ожогов или смерти от удара электрическим током?"

Директор очень медленно сделал глоток из своей чашки с чаем.

"Мистер Умбрус", - сказал он в конце концов. "Ты хотели бы получить разрешение отправиться в Хогсмид?"

"Нет, директор, у меня нет денег, чтобы тратить их на пустяки, так почему бы не попрактиковаться?" - ответил я так невинно, как только мог, в то время как предательская улыбка появилась на моих губах.

"Мистер Умбрус, - продолжил директор. "Я настаиваю".

"Директор, я отказываюсь", - сказал я очень тихо. "Если вы не найдете мне работу".

Директор глубоко вздохнул. Затем он выглянул в окно. "Если кто-то очень гордый и довольно высокомерный сделал непростительный поступок с вами", - начал он тихим, задумчивым голосом. "Ты бы простил его? Ты бы оказал ему услугу, если бы он пришел просить об этом?"

"Директор", - пробормотал я, "Я бы отказал", - согласился я. "Но...Я не вы, - продолжал я, "У меня не так много милосердия или доброты, как следовало бы. Я не верю во вторые шансы; я не верю в то, что нужно милосердно подставлять другую щеку. Я буду относиться ко всем с уважением и добротой, но если они предадут меня, я уничтожу их. Я нехороший, я стараюсь, я могу стараться так сильно, как могу, и я вообще не хочу никому причинять боль, но в глубине души я именно такой человек", - я поморщился. "Я могу прощать ошибки. Я могу терпеть ошибки. Я могу смириться с тем, что не каждый сможет выполнить все, что ему поручено, и я не буду требовать совершенства от всех вокруг меня. Однако... Я не могу терпеть, когда плюют на сделки, или клятвы, или дружбу, которую мы разделяем, ради какой-то личной выгоды".

Я посмотрел на свое отражение в чайной чашке. Я мог бы солгать. Я мог бы сказать, что полностью прощу всех, как самый хороший из героев аниме или величайший из паладинов, но я был не тем, кем был, и, хотя было неразумно говорить это, было еще хуже лгать Дамблдору в лицо. "Но в то же время", - выдохнул я, "Время лечит все, и если не все, то делает боль менее болезненной", - я сделал еще один глоток чая, который со свистом проник в мое горло. "Люди, которых мы клянемся убить за их предательство - это просто раздражающие люди, с которыми мы не будем разговаривать через несколько месяцев, и со временем, возможно, через годы, ненависть перерастет в антипатию и, наконец, в апатию".

Я развернул лимонный шербет и отправил его в рот. "Так что, если бы этот кто-то пришел ко мне и честно рассказал мне, почему он сделал то, что сделал, и умолял меня помочь ему в трудную минуту по какой-то уважительной причине, тогда я, вероятно, по крайней мере выслушал бы", - я пососал конфету. "Если эта просьба не касается кого-то другого, потому что, если в этом замешан кто-то другой, третья сторона, то почему она должна нести заслуженное наказание предателя?"

"Мистер Умбрус", - прошептал Директор в конце концов в затянувшейся тишине, которая эхом отдавалась между нами, как глухая пульсация, в невысказанном согласии, что мы не будем говорить дальше, пока он не будет готов ответить. "Заклинание Флексилис превращает предметы в резину, хотя можно просто произнести заклинание невербально, чтобы прекратить действие чар на этом теоретическом шаре смерти реагирующем на шум?"

Я поморщился. "Я пытался это сделать. Похоже, это не сработало".

Гримаса Дамблдора вскоре повторила мою. "Ты уверен, юный Ворон, что не вызвал шар молнии, а просто произнес заклинание? Ибо в этом случае заклинание никогда по-настоящему долго не длится."

Я уставился на Директора.

"Если... если это так, то мне просто нужно... подождать?"

Директор кивнул.

Он также быстро добавил, что мне не может, не должно и никогда не будет позволено практиковаться ни в одном пустом классе, который не был моей уже официальной комнатой для занятий.

Тогда, по крайней мере, было мало шансов подвергнуть опасности учеников, которые могут

неожиданно в такой класс войти.

Я с радостью принял эти ограничения, потому-что это было разумно.

Теперь, если бы только я мог контрабандой пронести электрогитару на территорию школы, я был бы готов начать свое эпическое металлическое противостояние с симфоническим оркестром.

Мужчине нужна мечта.

Моей была покорить Волшебный мир рок-н-роллом.

<http://tl.rulate.ru/book/59653/1747527>